

Уголовный кодекс как инструмент регулирования хозяйственной деятельности крестьян Сибири (1920–1930-е гг.)

В. И. ИСАЕВ, доктор исторических наук
E-mail: history49@mail.ru; ORCID: 0000–0000–0003–1737–575x
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье на материалах Сибири исследуется проблема использования советским государством уголовного права для управления экономическим поведением крестьян. Показаны конкретные примеры применения отдельных статей Уголовного кодекса против крестьян для решения политических и экономических задач. Сделан вывод о том, что в созданной большевистской партией политико-экономической системе использование Уголовного кодекса в значительной степени определялось не правовыми, а политико-идеологическими критериями.

Ключевые слова: советское государство; крестьянство; Уголовный кодекс; экономические преступления

Введение

В июле 2022 г. исполняется сто лет с момента введения в действие первого Уголовного кодекса советского государства, который был важнейшим инструментом борьбы с уголовной преступностью. Однако в советской России УК стал использоваться не только против убийц, воров и бандитов, но и против обычных граждан, в том числе крестьян, которым вменялись так называемые экономические преступления.

Установление в России советской власти и формирование новой социально-экономической системы радикально изменили отношения между гражданином и государством. Сфера контроля государства за экономической деятельностью отдельного человека существенно расширилась, соответственно, возросла и юридическая ответственность граждан. В этом плане особенно изменилось положение крестьянства, так как большевистская партия поставила задачу его перевоспитания и перевода из мелкобуржуазного класса в социалистический. Значительную

роль в этом процессе должен был сыграть Уголовный кодекс, определивший основания для уголовного преследования и меры наказания за хозяйственные (экономические) преступления. При этом важно отметить, что советское государство зачастую оценивало действия крестьян как преступные, используя не столько правовые, сколько политико-идеологические критерии.

В настоящей статье мы рассмотрим применение уголовного права для управления экономическим поведением крестьян в СССР 1920–1930-х гг.

При этом мы не ставим задачу юридического анализа правоприменительной практики, а рассматриваем ее с позиции историка как часть повседневной жизни и хозяйственной деятельности крестьян в первые десятилетия советской власти.

Географические рамки исследования ограничены административными границами Сибирского края, созданного в 1925 г. На этой территории, по данным Всесоюзной переписи 1926 г., 88% населения проживало в сельской местности, и только 12% в городах¹. Поэтому вполне логично сфокусировать внимание на ситуации в сибирской деревне.

Нижняя хронологическая граница связана с введением нэпа в 1921 г. и принятием Уголовного кодекса в 1922 г.; в качестве верхней границы взят 1937 г., когда завершилась вторая пятилетка и окончательно оформилась сталинская модель социализма. Источниками исследования послужили архивные документы центральных и сибирских партийных, советских и правоохранительных органов, а также опубликованные в периодической печати материалы.

Введение нэпа восстановило в стране свободу торговли, относительную свободу хозяйственной деятельности при сохранении господствующей роли большевистской партии. Перестраивалась вся система общественных отношений, поэтому потребовалось создать и новую правовую основу для нее. А 1922 г. стал годом ускоренного формирования советского права: проводится судебная реформа, принимаются Гражданский, Уголовный, Земельный и другие кодексы, включая новый КЗоТ.

---

¹ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. С. 436.

Первый Уголовный кодекс советского государства был принят 26 мая, вступил в действие с 1 июля 1922 г. В этом кодексе преступления в сфере экономики были представлены в четвертой главе. Следующая редакция УК РСФСР 1926 г., по общепринятому мнению правоведов, принципиально не отличалась от версии 1922 г. [Мигущенко, 2010. С. 24; Упоров, 2000. С. 35]. В ней «хозяйственным преступлениям» была посвящена отдельная пятая глава, однако многие виды преступлений против государства в экономической сфере были представлены и в других разделах. Например, неуплата налогов и отказ от выполнения государственных повинностей, незаконное производство и продажа алкоголя вошли во вторую главу УК «Преступления против порядка управления», ряд правонарушений описывались в третьей главе «Должностные преступления».

Борьба с «зеленым змием»

Самым массовым экономическим преступлением в 1920-е гг., по которому к суду привлекались в основном крестьяне, было незаконное производство и продажа алкоголя частными лицами. Суровые условия жизни в эпоху войн и революций обусловили резкое возрастание потребления алкогольных напитков, несмотря на первоначальные намерения советского государства сохранить «сухой закон», введенный еще царским правительством с началом Первой мировой войны. В 1919 г. была введена государственная монополия на производство и продажу алкоголя, началось производство слабоалкогольных напитков крепостью не выше 20°, а с декабря 1924 г. – не выше 30°. Однако запрет на крепкие напитки противоречил сложившимся в стране обычаям и привычкам, принятый большевистской партией по идеологическим основаниям (в надежде на скорое перевоспитание народа в русле коммунистической доктрины), он большинством населения успешно игнорировался с помощью производства самогона.

За нелегальное изготовление и продажу алкогольных напитков было предусмотрено уголовное наказание (ст. 140 УК РСФСР 1922 г.). Однако это не остановило массовое производство самогона в Сибири. При этом занимались самогонварением в основном крестьяне, у большинства городского населения таких возможностей не было. Крестьяне же традиционно считали производство домашнего алкоголя своим естественным правом.

К тому же в ст. 140 УК 1922 г. предусматривалось наказание только за изготовление самогона на продажу, следовательно, гнать его для собственного потребления как бы не возбранилось. В подобной же формулировке эта статья перешла и в новую редакцию Уголовного кодекса, принятую в 1926 г.

В 1920-е гг. проблема незаконного производства алкоголя и пьянства населения выросла до масштабов социального бедствия. В первой половине 1920-х гг. самогонование доминировало среди других преступлений в Сибири, составляя от трети и выше всех уголовных дел. Так, в 1923 г. милиция Сибири передала в суд более 30 тыс. дел по ст. 140 УК. В Новониколаевской губернии в 1924 г., по данным Наркомата юстиции РСФСР, дела о незаконном изготовлении алкогольных напитков составили 28% всех преступлений². В том же году были приговорены к различным мерам наказания более 23 тыс. самогонщиков, что составило около 40% всех осужденных судами Сибири³. В 1925 г. органы правопорядка выявили около 39,5 тыс. граждан, занимавшихся самогонованием⁴. Добавим при этом, что реальное соотношение фактических и выявленных самогонщиков можно сравнить с невидимой и надводной частями айсберга.

В борьбе с самогонованием государство не забывало о классовом подходе и идеологических задачах: пропаганда утверждала, что гонят и продают самогон прежде всего кулаки, пытаясь подорвать экономику советского государства, хотя в судебной статистике по делам о самогонокурении были пропорционально представлены все социальные слои крестьянства. Тем не менее в соответствии с принципами классового подхода тяжесть наказания подсудимых зависела от их социального положения. Так, в 1929 г. в Красноярском округе на крестьянина, отнесенного к беднякам, за самогонокурение налагался штраф в 14 руб. 40 коп., середняку предстояло отдать государству 35 руб. 50 коп., а штраф зажиточного крестьянина составлял 50 руб., что сравнимо с месячным заработком рабочего⁵.

---

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 194. Л. 52.

³ Статистический бюллетень Сибирского края. 1926. № 3. С. 12.

⁴ Рапорт рабоче-крестьянской милиции Западно-Сибирского края к 15-й годовщине. Новосибирск, 1932. С. 13.

⁵ ГАКК. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 175. Л. 100.

Осознав бесперспективность ограничений на производство крепкого алкоголя, государство решило от них отказаться. В августе 1925 г. при сохранении государственной монополии начинается производство и продажа 40-градусной водки, получившей в народе название «рыковка» в честь тогдашнего главы СНК СССР. Государство таким образом пыталось переключить потребление алкоголя на легальные источники, повернуть денежные потоки в казну, и если не ликвидировать, то хотя бы снизить производство самогона. Однако казенная водка явно проигрывала самогону по цене. Только горожане в некоторой степени перешли на «рыковку», в деревне по-прежнему продолжали производить и пить самодельные напитки.

Отмена ограничений усугубила ситуацию с пьянством населения, во второй половине 1920-х гг. в стране наблюдался значительный рост потребления алкоголя. По данным Центроспирта, ЦСУ и Госплана СССР, к концу 1920-х гг. годовое потребление крепких спиртных напитков составило 110 млн ведер, в том числе – 68 млн ведер самогона⁶. Только по официальным данным, в 1927–1928 гг. в стране потреблялось около 8,8 л спиртных напитков на душу населения в пересчете на водку, по сравнению с началом 1920-х гг. этот показатель вырос более чем вдвое. А ведь в этой статистике не учитывалось потребление самогона. По некоторым оценкам, с 1924 г. по 1928 г. реальное потребление спиртных напитков возросло примерно в восемь раз⁷.

Пытаясь создать правовую основу для ликвидации самой возможности изготовления самогона, 27 декабря 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О мерах усиления борьбы с самогоноварением»⁸. Отныне категорически запрещалось тайное винокурение даже для личного потребления, а 3 февраля 1928 г. были внесены соответствующие изменения в ст. 102 и 103 УК РСФСР в редакции 1926 г.⁹

Понятно, что крестьяне не были готовы в один момент отказаться от многолетней привычки. После ужесточения законодательства правоохранительные органы стали активнее выявлять самогонщиков. Только за четыре месяца 1928 г. в Сибирском крае

⁶ Трезвость и культура. 1929. № 11. С. 3; № 12. С. 6; № 17. С. 12.

⁷ Революция и культура. 1928. № 2. С. 45; 1929. № 13. С. 11.

⁸ СЗ СССР. 1928. № 2. Ст. 14.

⁹ СУ РСФСР. 1928. № 7. Ст. 60.

было привлечено к ответственности по ст. 102 и 103 УК 37528 человек, из них 32858 человек подверглись штрафу на общую сумму около 900 тыс. руб., 4675 – принудительным работам. Для сравнения: за весь 1926 г. сумма штрафов за тайное винокурение составила 284 тыс. руб.¹⁰

Ожесточенная война с самогонокурением начала давать результаты к концу 1920-х гг.: в стране удалось несколько сократить изготовление и потребление нелегальных спиртных напитков. В Сибирском крае, по оценкам статистиков, к концу 1928 г. общее потребление самогона уменьшилось более чем в два раза и продолжало снижаться в 1929 г.¹¹ Некоторые количественные итоги борьбы с самогонокурением во второй половине 1920-х гг. представлены в таблице 1. Данные ее показывают, что к концу 1920-х гг. заметно снизилось число зафиксированных преступлений, связанных с самогоноварением. Но стоит добавить, что окончательно изжить незаконного «зеленого змия» государству так и не удалось на протяжении всего советского периода.

Таблица 1. Показатели борьбы с самогоноварением за 1925–1929 гг. (наказано граждан), чел.

Показатель	1925	1926	1927	1928	1929
Количество осужденных к лишению свободы	17947	18652	18320	9169	5348
Оштрафовано	37236	30689	22732	39502	21246
Привлечено к принудительным работам	2227	1420	1113	6220	5912

Источник. Составлено по: Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 797; Рапорт рабоче-крестьянской милиции Западно-Сибирского края к 15-й годовщине. Новосибирск, 1932. С. 9, 13, 15.

Использование УК против крестьян в условиях «Великого перелома»

Количество экономических преступлений крестьян против государства резко выросло в процессе радикальной перестройки социально-экономических отношений после отмены нэпа. В значительной мере это объяснялось тем, что советское государство активно использовало правоохранительные и судебные органы

¹⁰ Два года работы Сибирского краевого исполнительного комитета Советов. 1927–1928. Новосибирск. 1929. С. 148.

¹¹ Статистика Сибири. 1930. № 1. С. 145–146.

в политических целях, не стесняясь прибегать к явному манипулированию правовыми нормами, а порой даже корректировало их, меняя формулировки и ужесточая наказание. Ярким примером таких действий является использование ст. 61 и 107 УК РСФСР (1926 г.) для давления на крестьян.

В связи с трудностями в выполнении плана хлебозаготовок партийные органы в 1928 г. инициировали применение ст. 107 УК РСФСР «Спекуляция» к крестьянам, не желавшим продавать хлеб государству по ценам ниже рыночных. Начиная с января 1928 г., суды Сибири стали активно использовать ст. 107 УК РСФСР против крупных хлеботорговцев, а затем все чаще под санкции этой статьи стали подводить крестьян, не занимавшихся куплей-продажей, но имевших запасы хлеба.

Можно заметить, что нежелание крестьян отдавать хлеб государству по низким ценам было вполне объяснимым и даже естественным. Но такая их позиция партийно-советскими органами была отождествлена с поведением спекулянтов на рынке [Иконникова, Угроватов, 1991. С. 70–81].

С точки зрения реального содержания правовой нормы это было явной натяжкой. В ст. 107 УК РСФСР упоминались такие действия спекулянтов, как скупка и невыпуск товара на рынок с целью создания искусственного дефицита, подъема цен и получения высокой прибыли. Крестьяне же не покупали, а сами производили хлеб, поэтому по сути в их действиях не было спекуляции. Но что могли сделать судьи, если применение расширенного толкования ст. 107 УК РСФСР в феврале 1928 г. было одобрено директивой Политбюро ЦК ВКП(б) [Ильиных, 2006. С. 20–26].

В Сибири применение ст. 107 УК РСФСР сопровождалось беззастенчивым диктатом по отношению к судам со стороны партийных органов и вопиющими нарушениями правовых норм. В январе 1928 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б), выполняя требования Сталина о привлечении к суду крестьян, придерживающихся хлеба, жестко рекомендовало судебным работникам дела по 107-й статье проводить в ускоренном порядке, рассматривать их на выездных сессиях и показательных процессах без участия обвинения и защиты. Это было зафиксировано в совместном циркуляре краевого суда, краевой прокуратуры и полномочного представительства ОГПУ от 19 января 1928 г. Более того,

народным судам при рассмотрении дел по ст. 107 запрещалось выносить оправдательные приговоры или условное наказание¹².

По существу, на таких процессах судебное разбирательство превращалось в расправу над крестьянами, угодившими на скамью подсудимых. Некоторые крайности циркуляра были устранены после вмешательства старшего помощника прокурора РСФСР Н. В. Крыленко, издавшего 25 февраля 1928 г. специальное распоряжение об отмене неправомерных пунктов. Но в целом все кампании хлебозаготовок в конце 1920-х гг. сопровождались теми или иными нарушениями закона.

Получив опыт расширенного толкования и применения ст. 107 УК РСФСР, государство распространило эту практику на ст. 61 УК РСФСР («Отказ от выполнения повинностей, заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение»), которая в ходе хлебозаготовок подверглась весьма вольному толкованию. Используя достаточно широкую формулировку статьи, суды под давлением партийных органов стали осуждать граждан за любое неподчинение распоряжениям местных властей.

Вольное обращение с законом, использование Уголовного кодекса для достижения политических целей прямо поощрялось центральными органами власти. Так, 27 июня 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР постановили изменить меру пресечения по ст. 61 УК РСФСР. В первоначальной редакции за отказ от выполнения государственных повинностей было предусмотрено наказание в виде двукратного штрафа за невзысканный долг, принудительных работ на шесть месяцев или лишения свободы на срок до одного года. Теперь же штраф мог достигать пятикратного размера повинности, принудительные работы назначались на срок от года и выше, а срок лишения свободы увеличивался до двух лет.

Усиливая наказания за хозяйственные преступления, государство добивалось покорности крестьян и относительной стабилизации политического и экономического положения в стране. Однако ответом сельских жителей на такую политику правительства становилось массовое бегство в города. Другим

---

¹² Новосибирский областной суд. 1923–2003. Летопись Новосибирского областного суда. Новосибирск, 2003. С. 95.

последствием было ослабление экономических стимулов для развития крестьянского хозяйства.

«Новаторское» применение норм уголовного права в колхозной деревне

В ходе первой волны коллективизации (1928–1931 гг.) государство через местные партийные и советские органы получило почти абсолютную власть над сельским населением и практически полностью стало контролировать всю его экономическую деятельность.

Однако форсированное обобществление мелких хозяйств и преобладание жестких административных мер воздействия на крестьян, вопреки ожиданиям большевистских теоретиков, не привели к росту аграрного производства. Напротив, оно оказалось в глубоком кризисе: в 1932 г. площадь посевов пшеницы в Западной и Восточной Сибири по сравнению с 1929 г. уменьшилась на 21,5%, других зерновых – на 18%; количество лошадей в Западной Сибири сократилось на 55%, в Восточной – на 37%, крупного рогатого скота соответственно – на 53 и 51%¹³.

В сложившейся ситуации одним из наиболее жестких способов регулирования хозяйственной деятельности на селе стала угроза уголовного преследования. Под суд могли попасть представители всех слоев деревни: единоличники, рядовые колхозники, специалисты, руководители колхозов. Что именно является экономическим преступлением, определяло государство, зачастую исходя из политических и идеологических оснований.

Наиболее «идеологизированное» понимание экономических преступлений демонстрирует известное постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»¹⁴. Сталин, написавший основную его часть, попытался утвердить в уголовном праве принцип неотвратимости наказания за малейшее посягательство на «священную социалистическую собственность», при этом предлагая явно не соответствующие классическому праву меры наказания: независимо от размера

¹³ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 3. С. 50.

¹⁴ СЗ СССР. 1932. № 62.

ущерба – расстрел, а при наличии смягчающих обстоятельств – 10 лет лагерей. О несправедливости этого закона историками и правоведами сказано уже достаточно, в том числе и автором статьи [Исаев, Михеев, 2013. С. 167–177], поэтому не будем здесь занимать место описанием практики его применения, наполненной вопиющими нарушениями элементарных норм права и даже здравого смысла.

Формировавшаяся сталинская модель социализма утверждала авторитарную систему отношений, в которой контроль государства над экономическим поведением граждан многократно усиливался. При этом власть существенно расширила само понимание экономического преступления, включая в него различные хозяйственные упущения, а также распространяя действие уголовных норм на все новые сегменты экономической деятельности крестьян. Например, прежде сам крестьянин решал, сколько земли он засеет, какие культуры будет возделывать. В новых условиях сокращение крестьянским хозяйством посевных площадей стало рассматриваться как уклонение от выполнения работ, имеющих общегосударственное значение (ст. 61 УК).

Весной 1931 г. многие единоличные крестьяне в Сибири, напуганные угрозой попасть под раскулачивание, резко сократили площади посевов. Власть, понимая, что это грозит недобором зерна, предприняла экстренные меры давления. Так, в Павловском районе Омского округа по ст. 61 УК РСФСР были проведены показательные судебные процессы и осуждены 49 крестьян, сокративших посевы, в Чулымском районе Новосибирского округа – девять крестьян. Угроза наказания подействовала. Если до проведения судебных процессов было посеяно только 8% от запланированных площадей, то после них в течение трех дней доля засеянных площадей выросла до 48%¹⁵.

В 1931 г. в Западной Сибири количество осужденных крестьян по статье 61 УК РСФСР составило 19920, а доля таких уголовных дел в общей массе преступлений, совершенных в Западно-Сибирском крае, достигла 23,4%¹⁶. Все это показывает, что использование уголовного преследования для корректировки экономической деятельности крестьянства приобрело очень широкие масштабы.

---

¹⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 253. Л. 359–360.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 30.

В годы второй пятилетки продолжалась практика давления на немногих оставшихся крестьян-единоличников с помощью 61-й статьи УК. Газета «Советская Сибирь» в номере от 14 мая 1935 г. под заголовком «Злостные срывщики государственных заданий» сообщала, что единоличник Подъячий не выполнил государственное задание, по которому ему полагалось посеять 1,5 га зерновых. Суд приговорил его к одному году исправительно-трудовых работ¹⁷.

Новое положение крестьян в колхозах, изменившееся в худшую сторону их отношение к труду и коллективной собственности привели к появлению видов преступлений, невозможных в прежней (доколхозной) деревне. Например, раньше было немыслимо уголовное преследование крестьян за плохой уход за лошадью, однако отношение крестьян к собственной и колхозной скотине изменилось, что нашло отражение в законодательстве. В декабре 1930 г. ЦИК и СНК СССР принимают постановление «О запрещении убоя лошадей и об ответственности за незаконный убой и хищническую эксплуатацию лошадей»¹⁸. Позднее, в 1932 г., принимается еще одно решение правительства СССР в развитие данного постановления¹⁹. В Сибири количество осужденных за подобные преступления колхозников в годы первой пятилетки исчислялось тысячами²⁰. Наказание за плохое отношение к лошадям продолжало применяться и в годы второй пятилетки. Приведем в качестве примера уголовное дело, рассмотренное в мае 1936 г. против колхозника Копылова. Следствие установило, что Копылов плохо ухаживал за лошадьми и «варварски загубил колхозного коня». Суд вынес приговор о назначении наказания в виде года исправительных работ с возмещением колхозу 600 руб. за погубленную лошадь²¹.

Сложившаяся привычка партийно-государственного аппарата к применению репрессий в отношении крестьян продолжала определять понимание того, что считать экономическим преступлением и после утверждения колхозного строя. Люди могли

¹⁷ Советская Сибирь. 1935. 14 мая.

¹⁸ Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.12.1930 г. // СЗ СССР. 1931. № 71.

¹⁹ О разрешении ВЦИК установить за незаконный убой и умышленное изувечие лошадей меры социальной защиты, соответствующие законодательству РСФСР: постановление ЦИК и СНК СССР от 07.03.1932 г. // СЗ СССР. 1932. № 19.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 83. Л. 118.

²¹ Советская Сибирь. 1936. 29 мая.

попасть под суд по усмотрению начальства за якобы преступное отношение к работе, под которым могли пониматься самые разные хозяйственные упущения. Использование уголовного права в политических целях обусловило вовлечение правоохранительных и судебных органов в проведение посевных, уборочных и иных сельскохозяйственных работ. Такая кампанейщина показывает, что вместо закона правовая машина была вынуждена руководствоваться указаниями партийных органов.

Применение уголовного преследования как инструмента контроля хозяйственной деятельности крестьян постепенно стало постоянной практикой. В ходе посевной 1932 г., по данным на 20 мая, в Западно-Сибирском крае за разного рода хозяйственные нарушения было осуждено 7280 человек²². В 1933 г. в ходе проведения сельскохозяйственных кампаний народными судами Западно-Сибирского края было осуждено 18986 человек, в 1934 г. – 11820, в 1935 г. – 6543, в 1936 г. (за 9 месяцев) – 3114 человек²³.

Использование уголовного права как средства решения хозяйственных проблем стало настолько привычным, что в случае каких-либо затруднений с выполнением текущих задач партийные органы просто давали правоохранителям задание развернуть кампанию против виновных. Тем оставалось лишь подыскать необходимое обоснование и статью Уголовного кодекса.

Так, в конце 1934-го – начале 1935 г. в Западно-Сибирском крае наблюдалось отставание от графика вывоза на заготовительные пункты собранного крестьянами хлеба. По уже отработанному алгоритму к ликвидации прорыва решили подключить судебные органы. На места была направлена совместная директива краевого суда и прокуратуры, подписанная заместителем председателя краевого суда И. Г. Вежаном и краевым прокурором И. И. Барковым. В ней предписывалось: «В случаях установления со стороны должностных лиц колхозов и единоличников злостного уклонения от исполнения письменных договоров по вывозке на пристанционные пункты Заготзерна зерна... привлекайте виновных к уголовной ответственности: единоличников по статье 131, должностных лиц колхозов по 111 статье Уголовного

---

²² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 162. Л. 74.

²³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 192. Л. 190.

кодекса²⁴. Привлечение председателей колхозов и сельсоветов – только с нашей санкции, единоличников – под вашу личную ответственность»²⁵. Обе статьи предполагали лишение свободы: по 131-й ст. – от шести месяцев и выше с конфискацией всего или части имущества; по 111-й ст. – до трех лет.

В годы второй пятилетки продолжалось также активное использование ст. 61 УК РСФСР против крестьян и колхозников, не выполнивших какое-либо госзадание. Хотя масштаб ее применения по сравнению с периодом начала коллективизации существенно сократился (табл. 2).

Таблица 2. Количество осуждённых судами Западно-Сибирского края за невыполнение гос. обязательств в 1931–1936 гг.

Год	Кол-во осужденных по ст. 61 УК РСФСР, чел.	% к кол-ву осужденных за все преступления
1931	19920	23,4
1932	5588	6,1
1933	7449	8,1
1934	7748	8,7
1935	4283	9,4
1936	2165	6,1

Источник. Составлено по: ГАНУ. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 30.

Под влиянием классового подхода наказание могло существенно различаться в зависимости от социального слоя, к которому отнесли человека местные власти. Так, в 1933 г., по данным народных судов нескольких районов Западно-Сибирского края, из 719 осужденных за хозяйственные преступления «кулаков» различные сроки лишения свободы получили 85%, из 458 середняков – 61%, из 264 бедняков – 45%, а из 397 колхозников к лишению свободы было приговорено только 28%, остальные были осуждены к исправительно-трудовым работам по месту проживания²⁶.

Наряду с рядовыми колхозниками и единоличниками к ответственности за экономические преступления часто привлекали низовых советских и хозяйственных работников села. В случае

²⁴ Ст. 131. Неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным или общественным учреждением...Ст.111. Бездействие власти, т.е. невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить ...

²⁵ Советская Сибирь. 1935. 5 января.

²⁶ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 141.

хозяйственных провалов руководящие партийные органы склонны были возложить ответственность на местные кадры, упрекая их в саботировании решений партии, недостаточном рвении или просто в бездействии и нерадивости. Против них возбуждались уголовные дела по ст. 109, 111 УК РСФСР («Халатность, злоупотребление служебным положением и пр.»).

В рамках каждой сельскохозяйственной кампании – сев, прополка, уборка – организовывались показательные судебные процессы против председателей колхозов, счетоводов, бригадиров и других низовых функционеров, допустивших невыполнение планов сдачи хлеба государству, несвоевременную уборку урожая или другие недостатки в работе. Особенно масштабными были судебные репрессии против колхозников в 1933 г. При этом среди управленческих кадров – бригадиров, счетоводов, завхозов, председателей колхозов – число осужденных росло в опережающей степени²⁷.

Осенью 1934 г. Западно-Сибирский крайком ВКП(б) принял ряд постановлений, намечавших суровые меры наказания (вплоть до расстрела) должностным лицам, не обеспечившим выполнение плана хлебопоставок государству. Так, постановление крайкома от 9 октября 1934 г. намечало организовать показательные суды над руководящими работниками, а два-три колхоза просто ликвидировать за «саботаж» [Гущин, 1996. С. 126]. За уборочную кампанию 1936 г. за различные упущения в работе были осуждены 144 председателя колхозов, 195 бригадиров [Там же].

В этой ситуации председатели колхозов и другие руководители становились заложниками правительственной политики выкачивания ресурсов из деревни. Если они пытались отстаивать интересы своих односельчан, не проявляли решительности в борьбе за хлеб для государства, им грозил лагерь или расстрел.

В целом, использование уголовного права для управления экономической деятельностью крестьян стало привычным элементом общественно-политической жизни советской деревни. Однако оно вряд ли могло принципиально изменить сложившееся у крестьян «прохладное» отношение к труду в коллективизированном секторе, стремление опираться на собственное личное хозяйство. Снижение роли экономических стимулов,

---

²⁷ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 192. Л. 193.

преобладание административных и репрессивных мер контроля и управления породили феномен «раскрестьянивания» сельского населения и привели к торможению развития сельскохозяйственного производства.

К концу второй пятилетки, несмотря на увеличение показателей по некоторым видам сельхозпродукции, поставленная руководством страны задача удвоения объемов производства не была выполнена. Более того, по многим параметрам не удалось достичь даже бывшего до коллективизации уровня. Так, к концу 1937 г. количество лошадей и крупного рогатого скота в Сибири оставалось на треть меньшим, чем в 1928 г.; хотя площадь посевных возросла на треть по сравнению с 1928 г., однако урожайность постоянно снижалась, зерновая проблема не была решена, резко возросли потери при уборке урожая²⁸.

Заключение

Советское уголовное законодательство, опираясь на идеи В.И. Ленина, отказалось от понимания преступления с точки зрения классического права на основе принципов законности, виновности, соразмерности наказания. Теперь наказание понималось как мера социальной защиты, что открывало простор для произвольного определения его необходимости и размеров [Бондырев, Варганов, 2021. С. 111].

Советская модель социализма породила совершенно новую систему отношений государства и гражданина, а также существенно расширила понимание экономического преступления. Наряду с правовыми нормами в определении экономических преступлений, оценке их тяжести и меры наказания существенную роль стали играть политико-идеологические критерии. В связи с этим изменилось и само понимание экономических преступлений: многие хозяйственные действия граждан, которые прежде не считались криминальными, государство стало рассматривать как нарушения закона.

Руководствуясь идеологическими ориентирами большевистской партии, советское государство в широких масштабах применяло уголовное право в процессе перестройки

---

²⁸ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 3. С. 50–51.

производственных и социальных отношений в деревне. В течение первых десятилетий советской власти Уголовный кодекс стал играть роль важного фактора социально-правового регулирования хозяйственной и повседневной жизни крестьян. Однако эффект такой практики оказался кратковременным и не обеспечивал реального роста сельскохозяйственного производства. Все это доказывает, что широкое применение мер уголовного преследования крестьян за так называемые экономические преступления было лишь тщетной попыткой партийно-государственной номенклатуры обеспечить стимулирование труда в рамках командно-административной системы.

Литература

Бондырев, В.Е., Варганов В.В. Государственная политика СССР в уголовно-правовой области в условиях переходного периода (1920–1930 гг.) Курск: ЮЗГУ, 2021. 190 с.

Гущин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 160 с.

Иконникова И.П., Узрватов А.П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 70–81.

Ильиных В.А. Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 20–26.

Исаев В.И., Михеев Д.Ю. Как при Сталине охраняли «священную социалистическую собственность» // ЭКО. 2013. № 5. С. 167–177.

Мигущенко О.Н. Карательная (уголовная) политика советского государства в 20–30-е годы XX в. // История государства и права. 2010. № 19. С. 23–26.

Упоров И. Развитие уголовного наказания в первые годы советской власти // Уголовное право. 2000. № 4. С. 30–36.

Статья поступила 13.05.2022

Статья принята к публикации 30.06.2022

Для цитирования: *Исаев В.И.* Уголовный кодекс как инструмент регулирования хозяйственной деятельности крестьян Сибири (1920-е – 1930-е гг.) // ЭКО. 2023. № 1. С. 61–77. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-61-77

Summary

Isaev, V.I., Doct. Sci. (History), Institute of History, SB RAS, Novosibirsk

The Criminal Code as a Tool for Regulating the Economic Activities of the Peasants of Siberia (1920s – 1930s)

Abstract. The paper explores the problem of the use of criminal law by the Soviet state to control the economic behavior of the peasants based on the materials

from Siberia. Specific examples of the application of individual articles of the criminal code against the peasants to solve political and economic problems are shown. It is concluded that in the political-economic system created by the Bolshevik party the use of the criminal code was largely determined not by legal but by political and ideological criteria.

Keywords: *Soviet state; peasantry; criminal code; economic crimes*

References

Bondyrev, V.E., Varganov, V.V. (2021). *State policy of the USSR in the criminal law field in the conditions of the transitional period (1920–1930)*. Kursk. YuZGU, 190 p. (In Russ.).

Gushchin, N.Ya. (1996). *Dekulakization in Siberia (1928–1934): methods, stages, socio-economic and demographic consequences*. Novosibirsk. EKOR Publ. 160 p. (In Russ.).

Ikonnikova, I.P., Ugrovatov, A.P. (1991). Stalin's rehearsal of the attack on the peasantry. *Voprosi istorii CPSS*. No. 1. Pp. 70–81. (In Russ.).

Ilinykh, V.A. (2006). Ural-Siberian method of grain procurement: the search for the optimal option. *Gumanitarnie nauki v Sibiri*. No. 2. Pp. 20–26. (In Russ.).

Isaev, V.I., Mikheev, D. Yu. (2013). How under Stalin they guarded “sacred socialist property.” *ECO*. No. 5. Pp. 167–177. (In Russ.).

Migushchenko, O.N. (2010). Punitive (criminal) policy of the Soviet state in the 20–30s of the twentieth century. *Istorija gosudarstva i prava*. No. 19. Pp. 23–26. (In Russ.).

Uporov, I. (2000). The development of criminal punishment in the first years of Soviet power. *Ugolovnoe pravo*. No. 4. Pp. 30–36. (In Russ.).

For citation: Isaev, V.I. (2023). The Criminal Code as a Tool for Regulating the Economic Activities of the Peasants of Siberia (1920s–1930s). *ECO*. No. 1. Pp. 61–77. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-61-77